

Римид Нигачрок
Стихи

Избранное, том 3



Римид Нигачрок

Стихи. Избранное, том 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20096220

ISBN 9785448306990

Аннотация

Стихи о чем думаю и чувствую, некоторым образом, дневник душевной жизни. Прошлое, настоящее и будущее слито в единый непрерывный поток судьбы.

Содержание

Очищение вод	6
Предупрежден	6
Дядя Юзеф	7
Три портрета	10
Семейный обед	12
Недостоин	14
Порыбачили	15
Дом чужой	17
Позиция	20
На Арадане	22
Слышу голос	25
Брусничный сок	27
Девяти лет	30
Друза безделиц	32
Совет	33
Быть мыслью	34
Сестра	36
Лучик распрямит	39
Печь	41
Практики школа	42
Все будет так	43
Не пришла	45
Вот я – отец	48

Обесценить ценность	49
Я в теле дух	51
Рыженькая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Стихи
Избранное, том 3
Римид Нигачрок

© Римид Нигачрок, 2016

ISBN 978-5-4483-0699-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Очищение вод

Предупрежден

Дух тихонько намекнул:
Не стремись никак к карьере,
Если даже мне не веришь,
Я тебя не обманул.

Для тебя судьба – учебник
С неизвестным содержанием,
В нем вопросы и задания
От души, тебе потребны.

Я его прочел до корки,
Знаю что в нем наперед:
Чувств фантазии полет,
И земные ямки, горки.

Так что чувства духа слушай,
Путь, намеченный пунктиром,
Прошагаешь ты не сирый —
В теле дух несешь, и душу.

Дядя Юзеф

Дядя Юзеф утонул,
Немец, пленный с Кенигсберга!
Ты чего кричишь так, Верка?
Успокойся, сядь на стул...

Ну, рассказывай, родная,
Что случилось, в чем беда?
Ледяная ведь вода...,
Спьяну он полез, не знаю...

Кто полез? Да дядя Юзеф,
Там на озере в горах,
С камня прямо, божий страх,
Высоко, ползу на пузе

К краю самому, всплывет,
Нет ли, думаю, гадаю...
Всплыл как будто, выгребает,
Пред собою гонит лёд.

А потом нырнул и сгинул,
Пять минут, его всё нет,
Для меня померк тут свет,
Я – орать, бегут мужчины.

Дочка, что, сломала ногу?..
Или в озере русалку
Ты узрела?.. Дядю жалко,
Он нырнул, утоп, ей богу,

Дядя Юзеф. Эй, ребята,
Там у берега есть плот.
Ну, тогда бежим вперед!
Спрячт с кем-то, кроют матом,

Плот спихнули и шестом
Тычут дно куда попало...
Ну, а я тут побежала
Рассказать скорей о том.

Вот так да, беда большая,
Дядя Юзеф, смелый хрыч,
Не убит в войну. Не хнычь,
Верка, думать нам мешаешь.

Надо как-то тетю Нину
Поддержать, помочь, поди.
От него дитя родит,
А тут немец взял и сгинул.

Мужики идут, смотрите,
Может, все-таки достали?!
Сбегай-ка, узнай-ка, Валя,
Вова, Саша, Вера, Витя

По домам, а ну – бегом!..
Дядя Юзеф стал покойник.
Влезли мы на подоконник,
Видим крышку под крестом.

Жутко, страшно, но манит,
Люди, свечи, гроб, венки,
В крест лежащих две руки,
Дядя Юзеф крепко спит...

Три портрета

Три портрета на стене:
Брат, сестра, а между ними
Чуть с усмешкою отец.
Имена живут во мне:
Юра, Галя и Владимир —
Трое замерших сердец,

В двадцать пять от рода брата,
Тридцать с хвостиком сестры
И отца в самом рассвете.
Судьбы их как бы распяты,
Несгоревшие костры
На стене портреты эти.

Мать, жена, одна, седая,
Слышит, будто говорят,
Как живые, голосами,
Ночью рамки покидая,
И за стол садятся в ряд,
И рассказывают сами.

И она им все расскажет,
Упрекает, ли журит:
Вы ушли, а я осталась,
У портретов я на страже,

Жду и плачу до зари,
Муж и дети: Юрик, Гала.

Три портрета пожелтели,
Только лица неизменно
Смотрят, молча со стены,
Будто души, в самом деле
Избежать не могут плена
Из-за косвенной вины.

Семейный обед

Отца я помню как в тумане,
Пять-шесть найдется эпизода,
Но память детская обманет,
В те дни, вернувшись через годы.

Веселый, стройный и подвижен,
А может, строгий, даже злой,
В рассказах мамы его вижу,
Во мне, ребенке, он живой.

Семейный стол полуовальный,
Отец, я слева, справа брат,
Он усадил нас специально —
Учить приличиям ребят.

Мне ложку левою рукою
Взять неосознанно хотелось,
Отец мне строго: Что такое? —
Бьет подзатыльник то и дело.

А брат откусит хлеб и долго
Жует его и не глотает,
Отец встряхнет его за холку, —
Не подавись, запей-ка чаем!

К его приходу дети в чистом
Должны одеты быть и рядом,
И стол накрыт семейный быстро,
После отца все только сядут.

Жена должна сидеть напротив,
А рядом с мамой дочь Галина;
Кастрюля с супом, с мясом протень;
Отец вино нальет с графина...

Сам помню ль это пятилетним,
Иль мама позже рассказала,
Как притихали сразу дети —
Отец входил неспешно в зало.

И те семейные застолья,
И воспитательные меры,
Не мог придумать я, тем более
С годами в память крепнет вера.

Недостойн

Позоришь класс! Как так? Не комсомолец.
Таких, как я, штук двадцать в нашей школе.
Не уж-то я один «позорю» этим класс,
Есть двоечники, знаешь ведь, у нас.

Без возражения пиши-ка заявленье,
Бюро рассмотрит, я похлопочу.
Я недостойн. Как? Имею кол по пенью.
Какое пенье?.. Да, ладно, я шучу.

Я не созрел еще, какой я комсомолец,
«Позорю класс» – меня ты припечатал.
Туда достойные идут по доброй воле,
А мне вступать пока что рановато.

Но почему ж? Я троечник, ты знаешь,
И двойку схлопотал за сочиненье.
А в комсомол как вступишь, так исправишь.
Исправлю, нет, имеет ли значенье?

Ах, так!.. Живи пока что до собрания.
Комсорг, к чему угрозы, не пойму,
Займись другими, а я, что крайний?
Шмыгнул во двор, махнув рукой ему.

Порыбачили

Ну, что, студент, поедем на рыбалку?
Тут недалече, в горы, километров за сто.
Нет мотика и для тебя, конечно жалко...
С утра рванем. Решили?.. Баста!

Валера в передках, пылит, ревет мотором,
Мы с Ванькой в хвост пристроились за ним,
По руслу рек, ущельем, лезем круто в горы,
Толкаем технику, где путь непроходим.

Гроза застигла нас на самом перевале,
Так хлещет дождь, дорога вся раскисла,
У скал стихии буйство переждали,
Где козырьком плита над тропкою зависла.

Никак студент замерз? А ну хлебни-ка
Грамм пятьдесят спиртяжки для сугреву.
И стало чудно мне в краю гористом диком,
Направо скалы ввысь, и пропасть слева.

А где ж река, спросил я удивленно,
Хотя бы озеро, где будем мы рыбачить?
Вот там, внизу, за полосой зеленой,
Река... Валера, нет, я думаю иначе.

Да брось, Иван, я знаю эту местность,
Вон в тех кошарах мне пастух знакомый.
Валер, куда ж изба исчезла, интересно?!
И лес, река, бугор, всё будто по-другому.

Не дрейф, Иван, и здесь найдем поживу,
Недаром бредень взял на всякий случай,
Студент, готовь костер, мы сетью живо,
Здесь в миг наловим рыбы всякой кучу.

За час пять рыбок только и поймали,
А их едва ли хватит сварить похлебку.
Притихшие, спирт в кружки разливали,
И вокруг себя оглядывали робко...

Валера, черт ты этакий хвастливый,
Куда завес?.. Уж вечер наступил,
Лучей зари последние разливы,
И серп Луны на небе звездном всплыл.

А утро нам готовило подарок:
Пока мы спали, бык с кустов одежду
Сжевал, взамен блинов оставил даром.
Рыбачить здесь всё, кончилась надежда!

Дом чужой

Лицом и телом в бабку,
А в маму – склонность выпить,
С крыльца встряхнула тряпку,
Сказала: Проходите.

Здесь жил когда-то юным,
А взрослым ездил к маме.
Входил, запели струны,
В душе горело пламя.

Но дух чужой холодный
Свет погасил мгновенно.
Мог ждать я что угодно:
В убранстве перемены,

Немытую посуду,
Разбросанные вещи,
Но радость встречи чудо
Лишь ощущал бы резче.

А тут – чужая хата,
Нет места ностальгии,
Убита напрочь святость,
И воспоминания дорогие...

На этой печке мама
Варила щи отменно,
У притолоки прямо
Лежат два-три полена,

Сухие на растопку,
И обувь; рукавицы
Лежат сушится стопкой,
И шторка, из пестренького ситца.

Гудит огонь, бывало,
В той печке в зимний холод,
Для тяги с поддувала
Совком сгребает золу.

На старой табуретке
Мать папироску курит,
Из молодых соседка
Приходит к тете Шуре

Совет просить, поплакать,
Иль что-нибудь другое,
Мне все равно, однако,
Пришли, не беспокоят.

У двери рукомойник,
И таз большой под воду,
Сосок, бывало, тронешь,
А рук не моешь сроду,

Как прибежишь голодный,
И щи хлебаешь жадно...
Пусть мысли сколь угодно
Терзают, ну да ладно,

Пойду я вон наружу,
Чужим стал дом родной,
Я здесь теперь не нужен,
Вернусь душой одной.

Позиция

Гражданская позиция?..
Я не политик, право,
Но ей интересуюсь,
Кто к Родине с любовью,
Кто с нею в оппозиции,
Врагов и явных, скрытых
Душою, сердцем чую.

Кричать, бить левой пяткой
В грудь, я, мол, патриот,
Не стану, есть другие
Таланты краснобаи.
Семьёй, работой, делом
Скажу, наоборот,
Я крепкий тыл, поддержка,
Кто на переднем крае.

Чиновники всех рангов
Ведь тоже просто люди,
Особенно кто выше,
Зажаты в крепких рамках.
Невооруженным глазом видать,
Страну кто любит,
Кто власть желает, денег,
Раздавит жизнь тех танком.

Я просто обыватель,
Такой, как миллионы —
Люблю семью, работу
И Родину и ..., хватит.
В позиции гражданской
Не зрелый я, наверно,
Наивный и зеленый.

На Арадане

Коль хочешь, то свожу в тайгу,
И в горы, где нахоженные тропы
Мной с малолетства, что смогу,
Глаза закрыв, по ним протопать.

Как затяжной осилим мы подъем,
Чай вскипятим в лесной избушке.
Здесь с дедом я охотился вдвоем,
Зверья пушного свеживал я тушки.

Медведь, бывало, встретится, сохатый,
Нам с мясом быть, и холод нипочем.
Зверья полно водилось здесь когда-то,
Соль, спички взял, ружьё через плечо,

И на неделю в лес, богатую добычу
Назад в деревню тащишь на салазках.
А что сейчас? Зайчонка не отыщешь,
И по тайге гуляй ночами без опаски.

Ну вот, пришли, скидай в траву котомку,
Ружьё на гвоздь, тащи сюда сушняк...
Крест видишь, там захоронили Ромку.
Медведь задрал, полвека будет как.

Балакали у нас – из лагерей утёк.
Окрест-то их тогда с десятков было...
Пей ароматный с травкой кипяток,
Ногам придаст устойчивость и силы.

Теперь пойдём, проверим солончак,
Мы там петлю сохатому поставим.
Ну, что студент, нет силы натошак?
Придем туда и супчиком поправим.

Когда с Тувы заблудится корова,
Охотник в раз приходит как дичь,
Мол, лось, в краях у нас не новость,
И старики о том немало знали притч.

С поличным кто попался пастухам,
В сей миг убьют, а косточки в костер.
Мальцом как бы, свидетельствую сам,
Кержак сгорел, на что он был хитер,

Его, как ту корову – на куски...
А мы пришли, сейчас и перекусим.
Здесь место голое, соленые пески,
Перекури, я вскорости вернуся...

Изведай-ка моей лесной похлебки,
Такой тебе и мамка не сготовит.
Назад пойдём по легкой нижней тропке,
Но там из нас комар напьется крови.

Слышу голос

Вопрос не в том, сколь лет ты прожил,
Не прожил ли ты годы даром —
Сказал мне чувством мысли Боже, —
Не жди наград, не жди удара.

Твой путь извилистый, и долог,
В земных трудах не завершен,
В начальных классах средней школы,
Пока, – без слов добавил Он.

Ты сам решил ведь воплотиться
В земную плоть с душою вместе,
Не за хорошим шел – учиться,
Как человек в любви и с честью.

Судить не мне, осудит совесть,
Ей подмечать дано огрехи,
Она не ад тебе готовит,
А лишь в пути расставит вехи:

На перекрестке с перепуга
Туда ль свернул, куда ненужно,
Что взять хотел не по заслугам,
Душа и ум ли жили дружно.

Чего, чего, а исключений
Быть по закону не должно,
И обстоятельства стеченье
Умом твоим предрешено,

И даже те твои желанья,
Что вслух не сказаны тобой,
Нужны, коль будут, то заранее
Предрешены самой судьбой.

Коль не во власти мысли, властью
Своею мысль перенаправишь,
Пропустишь сквозь себя и страсти,
Огнем души в духовность сплaviшь.

Скажу тебе, что жизнь движенье
Без перерыва здесь и там,
Души и разума сраженье,
А в остальном решай же сам.

Брусничный сок

С брусничным соком самогонка
Любви обилие к девчонке
Во мне зажгла как, не заметил,
Красивей нет лица на свете,

Казалось мне, и страсть вскипела,
Придав уверенность и смелость,
Что с ней одной лишь танцевал,
Чужая свадьба в чудный бал,

Как в сказке словно, превратилась,
Она смеялась и шутила,
Свела в укромный уголок,
Где без свидетелей свидетельницу мог

Я целовать её, в моем воображении принцессу...
Акт завершен, но есть и продолжение у пьесы.
Один я очутился среди леса,
Шагнул туда-сюда, вокруг стоят заборы.
Лес – это сад, калитку я не скоро

Мог обнаружить..., музыка слышна
И смех и крики. Где я? Где она?..
Брусничный сок был слишком, видно, крепок,
Со свадьбы выпал я, как с поезда, нелепо.

Шагнул вперед, качается луна,
Иль не луна, фонарь? Качается дорога,
Пойду куда-нибудь, найду её, ей богу.

А имя как? Не Ольга, ли, Татьяна?..
Устал чуток, я вовсе и не пьяный,
Брусничный сок не нужно было пить.
Татьяна, точно, как я мог забыть!.

Я у ворот, стучусь, кричу: Татьяна!
Она как бы ждала, открыла в тот же час:
Входи ..., какой ты нынче странный...
Что будешь пить? Нет-нет, ну разве квас.

Она в углу на стуле и в халате,
Я на диван присел, тошнило как назло.
А я одна, сегодня мама с батей
Уехали дня на три. Повезло...

Пойду я, Тань, прости, побеспокоил.
Куда – такой? Останься до утра.
Спи здесь – в плечо, толкнув рукою.
Нет, Таня, извини, но мне пора...

Я шел домой на ощупь, спотыкаясь,
И клял себя за слепость увлечений,
Что бабником девчонки уж считают,
Что влюбчив, за душевные мученья...

Девяти лет

Девятилетний я, масса
всплывает событий.
Я не гоню их, наоборот,
приглашаю, входите...

Сусликов в поле из норок
водой выгоняем наружу,
Друг другу ведро по цепочке —
воду таскаем из лужи.

Зачем нам зверек этот рыжий,
навряд ли кто может ответить.
Вначале забава, в жестокость
порой переходит, мы, дети,

Животных любя, к беззащитным
бываем порой беспощадны.
Зверьков этих мокрых с десятков
в ведре на костер ставим чадный.

И лапки свои обжигая,
суслики рвутся наружу,
И ошалев от потопа и жара,
по полю, безумные кружат.

Забава, жестокость? Всё вместе.
Взрослых провал в воспитанье.
Если ребенку сказали толково,
Подобное делать не станет.

Всего лишь один эпизод,
из прошлого совести голос,
Многие в жизни проходят
эту суровую школу.

Какой не стрелял в воробья
камнями пацан из рогатки?
Кто в детстве из нас не играл
в лапту, выжигало и прядки?

Какая девчонка секретки
не имела в земле у забора?
От рода девятилетним
мир сказкой казался в ту пору.

Друза безделиц

Как пригляделся к камушкам, и что же?
Они на прежних ценных вовсе не похожи —
Простая галька, мрамор, крошенный гранит;
При свете дня в лучах преломленных горит
Стекло, а не хрусталь кристаллами алмаза,
Вся ценность их, приятно лишь для глаза,
Коллекция камней моих обычная порода.
Не друзья минералов хранил я эти годы,
В руках держу безделиц пыльных горсть,
Хранил бы их, как приглядеться не пришлось.

Совет

Порою кажется, что жизнь моя ничтожна:
Пронзит внезапно разум чувством ложным,
И мир скукожится бесцельных мелочей,
И вместо мыслей чувств реки души ручей,
И к жизни воля нехотя влачит существованье,
Что с миром этим не пугает расставанье.

Тут духа встряску для души я слышу голос:
Пока в осмысленном пути, ты будешь молод.
А как устанешь, я пойму, уйдешь на отдых,
Но знай, что разум твой отмоют чисто воды,
Что личность, что как «я» звучит, исчезнет,
Но отпечаток «я» не растворится в бездне.

Жизнь состоит и впрямь из тысяч мелочей,
Река прибавится – впадет в него ручей,
За ним другой, и третий, и десятый...
Ты просто верь, как Бог, законы жизни святы,
Им, следуя, в дороге мудрость обретешь,
Да, разум друг – не от него исходит ложь.

БЫТЬ МЫСЛЮ

Мой мир раздвинулся до крайнего предела
Вселенной видимой и той, что не открыта.
Я, мысль свободная, звезды касаюсь смело,
И Млечный путь мне виден весь, завитый

Вокруг оси сверхмощных притяжений,
Я слышу хрипа стон дыхания Вселенной,
Вибраций струн магнитных натяжений
Между собой Галактик, рвущихся из плена.

Масштаб меняю до размера в электрон,
Не тот, вращением размазанный по сфере,
А тот, покинув с квантом, атом делает в ион,
Свободный и в покое может быть измерен.

Гляжу ядра нейтрон-протонное кипенье,
И облаков вокруг в дыханьях перехода,
Нейтринный бег, как он промчится тенью
Сквозь всю Вселенную несчитанные годы.

Пока я мал условно мыслию огромной,
Пройдусь по всей структуре организма,
Я свой тельцам крови, как братец кровный,
В костях найду источник ревматизма.

На волю выпорхнув, войду я духом к Богу,
Послушать сфер серебряных звучаний...
Переборщил, увы, в фантазиях немного,
Хотелось бы быть мыслью мне отчаянно.

Сестра

А что за праздник нынче, Галя?
Вчера вино военные достали,
Цистерну ночью ловко вскрыли,
Мы их, как сделать, научили.
Канистру вот сержант принес.
Налить, братишка? Не вопрос.
Ну как?.. Вино какое-то густое.
Так концентрат. А пить-то стоит?
Вторые сутки пьем – живые!
Ну, гости наши дорогие!
Хочу я выпить за военных...

Всплыла случайно эта сцена,
Иль нет, не знаю, но Хабзас
Я посещал не в первый раз,
И каждый раз я видел – пьют,
Не мне вершить за Бога суд,
Коль пью, то есть на то причины.
Привычно, если пьет мужчина,
Но если женщина – беда!..

Я приезжал лет пять сюда,
Иван, муж Гали, работающий,
Что пригодится, в дом притащит,
Сарай и баня, огород —

Всё он, придумал наперед,
Как воду к дому подвести,
От речки желобом пустить
В пруд небольшой и огород.
Сестра, подумал, заживет
С таким хозяином прилично,
Кроме свинарника есть птичник,
И соток пять сплошной клубники,
Кроме картофельного поля.
Не раз хвалил Ивана Толик,
Мой брат, его за ум и труд.
И если так дела пойдут,
За пару лет разбогатеют.

Но видно черт стоял за нею:
Сестра под вечер уж пьяна.
Ворчал Иван: Ты, что, жена,
С какого пьёшь ты перепуга?!
Ведь дочка малая, подруга,
Не молоко пьет из груди,
А смесь его с вином, поди.
Добром, берясь увещевать,
Немного проку: Ты же мать,
Хозяйка в доме ведь, жена...
Смолчит, а вечером пьяна.

И за ночь прахам всё пошло.
Она напилась, как назло,
Пожар, и дом, сама сгорела.

Нашли под утро в углях тело...
Иван с тоски себя сгубил —
Семь лет со злобой водку пил.

Лучик распрямит

Не с прямой головой смотрю в мир я открыто,
А склоненной, невольно глядящий под ноги,
Толи стыдно признаться, что жизнью побитый:
Невеселый, печален ли в грусти, ли строгий.

Боль душевная стала физической болью
Для того, чтоб чувствительность сгладить,
Телу нужно помочь – не жалеть и не холить,
Но прощением себя, не просить Бога ради

Смерти легкой во сне, или доли послаще,
Детство, юность, мол, только они виноваты,
Груз ошибок с тех пор шея гнутая тащит,
Или старость винить за одни лишь утраты.

Вот и молодость страсти свои не жалела,
Любовь, изливая направо, налево безопасно,

И брала, что могла, но не то, что хотела,
И спешила не там, и ждала что-то вечно.

И не вдаль, шея свесилась, в ноги глядеть,
Будто там обретет своё падшее счастье:
Потускневшее золото, бронзу иль медь,
С сердца вынута разве не собственной властью?

Солнце светит с небес, чтобы люди смогли
Мир чудесный увидеть и в нем себя лучше,
Что искать ничего и не надо в пыли,
А вобратъ, как любовь с сердце, лучик.

В тот же миг он и шею распрямит, и спину,
Распахнет всей душою глаза восхищенья.
Точно так же и я свои тяжести скину,
Встану в рост, задышу с облегченьем.

Печь

Засыпная изба, шесть на восемь, и печь,
Типа русской, в середке – громадой.
На морозе продрог, если, можно прилечь
Хоть втроем, и тесниться не надо.

Палку-конь оседлав, нарезая круги,
Я скачу и скачу вокруг печки в атаку,
На пути табурет, слышу звон кочерги,
Мне смешно, хоть и хочется плакать:

На коленке синяк, и заноза в ладонь,
Ну и пусть – я врагов победитель.
Печка дышит теплом, догорает огонь,
И меня, я на ней уже сплю, не ищите...

Практики школа

Явился я, спрошу, на этот свет,
Чтоб доказать, есть свет другой?
И да, ответ мой будет, нет,
Не помню, сердцу дорогой.

Довольно было бы признать,
Что человек не однозначен,
Плоть создадут отец и мать,
А дух с душой придут иначе.

Их мир для нас потусторонний,
Подобен нашему, незримый,
Там вечен дух, здесь плоть хороним,
Жить в двух мирах необходимость.

Пока не станет он нейтрален,
Достроит все свои структуры,
Ему покоя нет в астрале,
Продолжит он земные туры.

И если духу все-таки потребно
Входить на время в плоть земную,
Не оттого ль, что не имеет небо
К развитию школу практики такую.

Все будет так

Вокруг да около вращенье
Одних и тех же тем затертых,
Былым и смертью воздух спертый,
Приход, уход и возвращенье.
Сам говорил, что мир раздвинул
В бескрайность, там, боюсь, и сгину.

Пять, восемь, десять элементов
Есть у меня собрать единого,
Приложу, вытяну, придвину,
Прибавлю чуждое зачем-то.
Как ни стремлюсь я к новизне,
А сам в былом живу на дне.

И если время поезд скорый,
Я пассажир всегда отставший,
Не сверстник ли с окна мне машет,
Со мной билет, купил который?
А я остался на перроне
Ждать паровоз, что всех обгонит.

Ну, жди, сказал мне провожатый,
Измельешь в мельнице былое,
Как станет страсть души золою,
Как тормоз сдвинется зажатый,

Тогда и поезд твой прибудет,
Всё будет так – тебя не будет!

Не пришла

Костя, Женька, кто, забылось,
Был свидетелем у нас.
От столов очистив класс,
Свадьбу мы играли мило.

Мы студенты – стол худой,
Но веселья в изобилье,
Спирт разбавили водой,
Меньше ели, больше пили.

Шутки, тосты и приколы,
После свадьбы, мол, рожать,
Девять месяцев не ждать,
Увлечлись не в срок футболом.

В этом шуме пьяных шуток
Отчего меня тошнит,
И не к месту грустный вид,
Не жених на свадьбе будто?

У подружек-то невесты
Шутки дерзкие, колючи,
Отомстить на всякий случай
Здесь, на свадьбе, верно, к месту?

А пока еще не вечер,
И пока не перепили,
Гости ели и шутили,
Что же давит мне на плечи?

Расписались, честь по чести,
На троллейбусе вернулись
Чередой знакомых улиц,
Поднесли букет невесте

Незамужние девчата.
Честь по чести. В чем же дело,
Почему сбежать хотелось
К холостым своим ребятам.

За столом знакомых лица,
Но кого-то нет среди них,
Я нормальный и не псих,
Тот отсутствующий мнится,

Между ней и мной сидеть
Должен был бы, нас, обняв,
У него побольше прав,
Чтоб от счастья песни петь.

Вот поэтому на плечи
Тяжко давит принужденье:
Должен ты! И наважденье
Душу вольную калечит.

Может, все-таки дождусь,
И любовь явится разом,
Я кошу чуть пьяным глазом,
Но зазор меж нами пуст...

Вот я – отец

Сын у меня родился... Поздравляю!
Спасибо. Только вот..., не знаю,
Как быть. Такси нанять дороговато,
На вещи детские потратил всю заплату.
Майор, забрать сможешь из роддома
Жену с ребенком? Да, но... сломан
Рычаг, и бак пустой, и лысая резина...
Спасибо и на том. Поехал я за сыном
Автобусом, мне на проезд с букетом хватит
И трех рублей... Она еще в халате,
На нервах вся: Я жду тебя давно!..
Возникли трудности. Молчи, мне всё равно,
Одна в палате я из мамочек осталась.
Ты всё привез: пеленки, ленту, одеяло?..
Отдай сестре, не стой, прошу, столбом...
Вот я – отец. Что было уж потом,
Неважно, жизнь всегда во всем мудрее,
Малюткой на руках мне душу отогреет.

Обесценить ценность

Положительных эмоций,
Если взвесить, грамм на двести,
Тонны же душа излила
Всех эмоций взятых вместе.

Да, похвальна продуктивность,
Но в количестве без качеств,
Беспричинно если годы
Беспрестанно душа плачет.

Где ей тут уж до веселья
Сил набраться быть счастливой,
В диком поле вся в бурьяне
Колосится нынче нива.

Если взяться за прополку,
Что не нравится – сорняк,
И получится в остатке
Кукиш с маком, вот так, так.

Если б мысли были нитью,
Намотался бы клубок
По размеру как планета,
Я не лгу, свидетель – Бог.

Цвет той нити в целом серый,
Брызги радуги – редки,
Ситец блеклый не по моде,
Шелк не выйдет, если ткать.
Я и здесь духовным зреньем
Обесцветил жизнь опять.

Разве можно взвесить, смерить
Жизнь душевную? Отчасти.
Бог дает нам по заслугам,
И с избытком, всё для счастья.

Я в теле дух

Я долго пью отвар воспоминаний,
Чем настоящий сок и будущий бальзам,
Былое исправлять ошибки душу манит,
А впереди что, смерть физическая там.

Дух видит всю дорогу без изъятий,
И концентрат из прошлых воплощений,
Нет для него на черном белых пятен,
Ему и миг и век в телесной плоти ценен.

Физическим умом я ограничено недолог,
Формально памятью изменчивой владею,
От знаний всех духовных лишь осколок,
Как человек земной, богов игры затея.

Растущий дух, к Единству приобщенный,
Зерно ума, души в питательном бульоне,
И Богом впредь за дерзости прощенный,
Друг плоти любящий и ей же посторонний.

Я тщетно вход умом ищу к себе обратный,
Где он во времени затерянный найдется,
Родившись раз, рождаюсь многократно,
Былое в будущем днем этим отзовется.

Рыженькая

Валя рыженькая так
По душе, неотразима.
Я влюбился в эту зиму,
Бед мне мало, вот чудак!

Разве сердцу-то прикажешь:
Не люби ты, пропадешь!
Как унять при встрече дрожь,
Не сказав ни слова даже.

И она, смеясь глазами,
Подшутила надо мной:
Хочешь, стану я женой,
Если выдержишь экзамен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.